

АЛЕКС
ГАРР

ПОДНИМИТЕ
МНЕ ВЕККИ

литературный конкурс

Проект особого
значения

12+

ЗАСЛОН

ЛитРес

Алекс Гарр

Поднимите мне ВЕККи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67768929

SelfPub; 2022

Аннотация

Проект "ИСКРА", занимающийся вопросами искусственного интеллекта, получил в свои ряды Валентину Стрельникову, поправляющуюся после страшной аварии. Теперь она вместе с коллегами должна решить, станет ли ИСКУсственный РАзум новым оружием, или защитой от такого оружия. И смогут ли они сами остаться людьми?

Содержание

Алекс Гарр

Поднимите мне ВЕККи

[0]

. / // ////

Валентина Стрельникова, 26 лет

П – перспективная

Самый страшный Валин кошмар всегда был – кома. Ещё когда в детстве прочитала про Гоголя, как он боялся, что его похоронят заживо, и его похоронили. Как он царапал ногтями крышку гроба и задохнулся в могиле. Летаргия, сочли мёртвым – и в землю. Жуть.

Иногда во сне такое случалось. Просыпаешься – и не можешь открыть глаза. Не можешь пошевелиться. При этом понимаешь, что ты уже проснулась, пришла в себя, находишься в сознании. С улицы слышны обычные городские звуки – шум транспорта, гудки автомобилей, голоса прохожих под окнами. А ты лежишь в темноте, и в ужасе понимаешь, что ты...

Не было сейчас ничего. Никаких городских звуков. Никаких голосов. Что-то еле слышно пикнуло, и всё. Да и это могло показаться. Надо было взять себя в руки – Валя всегда так спасалась. Стоит только понять, что это продолжение

сна, и контроль над телом вернётся, и веки разомкнутся, и увидишь свет.

Дыхание! Да! Она дышала, и могла это контролировать. Валя задержала дыхание, задышала чаще: вот. Сейчас всё будет нормально.

Скрипнула тихонько дверь, прошелестели лёгкие шаги. Что-то щёлкнуло.

Женский голос, молодой, взволнованный:

– Андрей Витальевич! Кажется, очнулась! Чеэсэс сто пятнадцать!

Валя испугалась. Она вдруг начала понимать, что это не кошмар, что не остатки сна она не может стряхнуть с себя. Тут было что-то похуже. Не кошмар, а гораздо хуже – мокрый снег на дороге, и уверенно идущая машина вдруг просто перестаёт слушаться руля, и испуганный Колин взгляд, крутой склон справа, деревья в свете фар, удар и брызнувшее в лицо мелкими кубиками стекло. Гораздо хуже.

– Чеэсэс сто семьдесят!

ЧСС – частота сердечных сокращений, мелькнуло у Вали в голове. Чьих?

– Спокойно! Спокойно! Даша, кубик лоразепама, быстро! Мужской голос, властный, уверенный.

Сердце перестало трепыхаться в груди, и Валя поняла, что дышит уже не так часто. Не так панически. Не так. Всё не так.

– Валентина Максимовна, вы меня слышите? Вижу, что

слышите. Не беспокойтесь, вы в больнице, но всё хорошо. Вы попали в аварию. Ваш прогноз очень благоприятный, вы меня понимаете? Всё будет хорошо. Сейчас вы уснёте, и когда проснётесь – мы обязательно побеседуем. Держите себя в руках. Спите. Всё хорошо...

[1]

// 0 1 , 1 1 1

Валентина Стрельникова, 26 лет

П – перспективная, А – аффилированная

Тот же мужской голос.

– Доброе утро. Валентина Максимовна, слышите меня?

Пошевелите пальцами на левой руке. Вот так, хорошо.

Валя пошевелила пальцами – и они пошевелились.

Она попробовала открыть глаза. Нет. Ничего.

– Спокойно. У вас на глазах повязка, мы её снимем буквально через пару дней, как только восстановится зрение. А вот со связками всё нормально, скажите «да».

– Да, – сказала Валя и очень удивилась своему голосу – хриплому, как будто прокуренному.

– Отлично. За голос не переживайте, он тоже быстро восстановится. Меня зовут Андрей Витальевич, я ваш лечащий врач.

«Очень приятно», хотела сказать Валя и закашлялась.

Чьи-то заботливые руки приложили к её рту пластиковый сосок, Валя поймала его губами и начала жадно пить, сразу ощутив, какая похабная хрень была всё это время во рту. Там не то, что кошки гадили, там лошади и бегемоты...

Ощущения нахлынули потоком: лимонно-сладковатый вкус воды; тёплый воздух палаты (она же в палате лежит, это определённо), лёгкими дуновениями касающийся открытой кожи рук (кондиционер?); приятная прохлада простыней. Валя попыталась пошевелить пальцами ног – мгновенный испуг – и пальцы пошевелились. Она потрогала одной ногой другую.

– Гмхх... Кгхм!.. Давно я здесь?..

– Мне тоже очень приятно. Сегодня двадцать второе марта.

Вспоминать не получалось – и Валя зашевелилась в тревоге.

– Всё хорошо. С памятью могут быть небольшие проблемы – это последствия шока. Вы попали к нам шестого февраля. Вам, надо сказать, очень повезло.

Это сколько?.. Полтора месяца она уже здесь?

– Хх... Хах... А Коля?

– Думаю, вы уже достаточно восстановились, чтобы увидеться с родителями. Они очень за вас беспокоились. Я их приглашу, вы не против?

«А ребёнок???»), молнией пронзило Валу, и она собралась закричать, но снова провалилась в обволакивающую тьму.

[10]

////////// 10

А а а

ноль один десять >>

массив //////////

Валентина Стрельникова, 26 лет

ПА (перспективная, аффилированная), прогноз когерентности – благоприятный

В глазах двоилось и плыло.

В глазу. Левом. Правый так и был чем-то закрыт.

Потолок – внезапно – оказался розовый. Не белый.

Валя вспомнила студенческий анекдот про коричневый пол, и засмеялась. Нет. Не умерла. Настроение было отличное. Они ей, наверно, что-то вкололи. Опять. Ну и пусть.

Андрей Витальевич оказался красивым брюнетом с седьмой, глаза жгучие, чёрные, как у испанца. Он стоял у кровати, красивый, халат белый, на бейдже большими буквами «ГУБИНСКИЙ». Валя перевела взгляд. Справа стояла Даша (наверно), молоденькая, симпатичная, без бейджа, халатик и шапочка нежно-голубые, взгляд немножко испуганный. Потолок розовый, цвета постельные. Постельные-постельные. Фу.

На стенах висели нелепые гирлянды из зелёных клевероч-

ков-трилистничков. В углу на тумбочке стоял зелёный же лепрекон.

– Как мы себя чувствуем? – спросил Андрей Витальевич. – Валентина Максимовна?

Баритон у него был идеальный.

Потому что нельзяааа быть на свете красиививым таким!..

– Не сюсюкайте, доктор, – сказала Валя и прыснула. – Можете звать меня Валя. И на «ты».

«Он же меня наверняка голой видел», подумала Валя, не подозревая – до какой степени. Она оглядела себя. Салатовая пижамка, всё, что ниже груди – под простынёй.

– Это что? – кивнула она на трилистнички.

– Это я повесила, – почти прошептала Даша. – День Святого Патрика был недавно. Я думала, вам понравится.

– Я разрешил, – улыбнулся Андрей Витальевич.

День Святого Патрика, хоспади!..

– Что вы мне ввели?

– Узнаю коллегу, – сказал Андрей Витальевич. – Очень хорошо. Всего лишь допамин, хорошее настроение у вас своё, вы не думайте.

Рука слушалась отлично. Валя подняла её, хотела потрогать правый глаз и упёрлась пальцем в холодный пластик.

– Покажите, – попросила она.

Испуганная лань Даша подняла зеркало, которое, оказывается, держала в руке.

Правая половина Валиной головы была закрыта белой

скорлупкой – полчерепа, глаз, и до щеки. Слева всё на вид было ок. Сбритые (после аварии, видимо) волосы сейчас топорщились медовым ёжиком.

– Рассказывайте, – скомандовала Валя. – Режьте правду-матку, доктор.

– Да нечего особо рассказывать. Была авария, вы пострадали. Сильно. К счастью, практически за вами шла машина скорой, повезло. Вас стабилизировали, довезли к нам, мы вас подлатали. Повязка на голове тоже временно, подживёт – снимем.

На «ты» он звать её решительно не хотел. А пластиковая скорлупка – это повязка, оказывается?

– А Коля?

– Ваш молодой человек? Который был в машине?

– Да. Мой жених.

– Он не пострадал. К счастью. Мелкие царапины.

– Он приходил? – сердце почему-то замерло. – Он...
Здесь?

– Нет. Но, – с наигранной бодростью хлопнул в ладоши Андрей Витальевич, – здесь ваши родители! Пригласим?

Валя слабо кивнула.

– Даша, позови, пожалуйста.

Медсестра выскочила.

Хорошее настроение очень быстро куда-то испарилось. Надо было задать Губинскому ещё один вопрос. Самый важный. Четырнадцать недель, на что тут надеяться? Хотя сей-

час медицина, говорят, творит чудеса. Выхаживают совсем крошечных...

– Доктор, – сказала Валя. Голос её дрогнул. – А ребёнок?.. Губинский сочувственно покачал головой.

– Сожалею, – тихо сказал он. – Органы малого таза пострадали сильно. Очень сильно.

Мир, оказывается, может рухнуть в одно мгновение.

–

А... Рожать? Рожать я... смогу ещё, Андрей Витальевич?..

Он молча смотрел на неё.

– Зачем? – спросила Валя. – Зачем вы меня спасли? Зачем?

– Я соболезную. Боль, к сожалению, никуда не уйдёт, Валя, – ответил Губинский. – Вы же знаете. Она притупится, но будет больней. Простите, если резко – здесь не платная клиника для богатых, я всегда говорю прямо.

Он помолчал ещё несколько секунд.

– Зачем вам жить? Надо найти, зачем. Надеюсь, мы сможем вам помочь.

Мать плакала и шмыгала носом. Отец мрачно сидел рядом и держал Валу за руку. На Валин вопрос о Коле он зло мотнул подбородком. «Господи, Валечка, главное, что ты жива...», причитала мать. «Такого добра ещё знаешь сколько будет!.. Сколько мужиков есть хороших, проживём. Поплачь, моя. Поплачь». Может, и поплакала бы, но слёзы не

шли. «Живут же и без детей. Усыновишь, господи. Знаешь, сколько деток есть хороших?». Хотела плакать, хотела. Сухие глаза – не хотели.

Устала Валя за эти полчаса смертельно.

– Можно в ближайшее время без посещений? – попросила она Губинского, когда родители, наконец, ушли.

– А их не будет больше, – ответил он, казалось, слегка удивившись. – Ах да, вы же ещё не в курсе. У нас режимный объект, Валентина Максимовна. Посетителей не бывает. Ваш отец, исключительно в силу занимаемой должности...

Точно. Замминистра это вам не.

– Кстати, благодарить за спасение вам тоже нужно исключительно его, – сказал Губинский, выходя. – Простой смертный с вашими травмами поехал бы в морг.

Он нажал на выключатель у двери, и палата погрузилась в полумрак. Валя почувствовала, как её тут же неудержимо потянуло в сон.

– Отдыхайте, Вален... Валя.

Ну, хоть чего-то она добилась.

[11]

массив-906 //

[abcdef]

} connect object 1 }

} connect object 2 }

} connect object >>>>>>>>>

Валентина Стрельникова, 26 лет

ПА (перспективная, аффилированная), К – когерентная

– Вставайте, вставайте. Вот так.

Губинский помог Вале встать с кровати и пройти несколько шагов до кресла-каталки. С другой стороны её поддерживала Даша. Ноги Валю пока слушались плохо.

– Хорошо, – довольно сказал Губинский. – Очень хорошо! Видите, как вы быстро поправляетесь!

Он выкатил её в короткий коридор. С двух сторон шли палаты с номерами. Валя лежала в пятой.

Через распашные двери они въехали в столовую. Шесть столиков, деревянные панели, пустая раздача, фикусы в кадках. Дорого-багато.

– Давайте я вас покормлю, – сказал Губинский.

– Отличная идея, – отозвалась Валя. Ей за эти несколько дней уже до смерти надоела палата, телепанель на стене со старыми комедиями и Даша с овощными и мясными пюрешками.

Доктор расставил перед ней тарелки. Таак, молодой отварной картофель с зеленью, бифштекс средней прожарки, салат. Отошёл к стене, что это там у него? Кофемашина? А запах!..

– Дайте мне кофе! – потребовала Валя. – Давайте же!

– Сначала поешьте.

– Нет, – упёрлась она. – Сначала кофе!!!

– Хорошо, – он поставил перед ней стаканчик, и Валя жадно отхлебнула горячий напиток, обжигая губы. Дааааа!!!

– Полагаю, вы хотите со мной поговорить, – сказало она, отдышавшись.

– Правильно полагаете. – Он сел напротив. – Ешьте.

Валя попробовала картошку. Отлично.

– Как вы уже, полагаю, поняли, у нас экспериментальная клиника. (Валя кивнула). Мы работаем в интересах Министерства обороны. Повезло, что вы военнотружущая, давали подписку. Как военному психологу, вам ничего здесь не кажется странным?

Точно! Она – военный психолог! Только вот ничего военно-психологического не вспоминалось. ПТСР¹?

– Память тоже восстановится, – усмехнулся Губинский. – Вы вообще очень быстро восстанавливаетесь.

– Не знаю, – сказала Валя. – Понятно, что это не госпиталь. Персонала мало. Пациентов никого.

– Вы прямо сейчас участвуете в важнейшем медицинском эксперименте, – сказал Губинский. – Всё идёт хорошо, тьфу-тьфу. – Он легонько постучал костяшками пальцев по крышке стола. – Через неделю я могу вас выписать. Но я бы хотел

¹ Пост-травматическое стрессовое расстройство (ПТСР), может характеризоваться частичной или полной потерей памяти

просить вас остаться.

– Зачем? – спросила Валя и подцепила бифштекс.

– Доедайте, я вам кое-что покажу.

Вошла Даша с папкой в руках, будто ждала за дверью.

– Смотрите, – сказал Губинский, – это вы.

.....

– Слушайте, – зло сказала Валя, когда рвотные позывы поутихли, – такое надо показывать ПЕРЕД обедом, а не после. Хотите, чтоб я вам весь пол заблевала?

Она присмотрелась к снимкам.

– У меня тут головы почти нет. Как получилось, что я жива?

– Ну, как я уже говорил, повезло, – сказал Губинский. – За вами шла машина, наша машина. Перевозили коллоид. Вытащили вас из машины почти сразу после аварии, как раз отец звонил вам. Наши ребята стабилизировали вас, счёт шёл на секунды. Как стало понятно, кто вы – ребята приняли решение везти вас сюда. Случай. Один на миллиард.

– Коллоид?

– Силикат-органический коллоид мю-семь с эффектом перцептивной квантовой связи. СОКЭПКэС. Сокращённо – биогель. Прорыв в медицине. Но технология официально ещё только в разработке. Подпишите согласие на участие, неразглашение – оформлю вам допуск.

– Я и внизу была вся поломанная, – сказала Валя. – Месиво же. Это ваш биогель меня починил? Как такое вообще

возможно?

– Возможно, – улыбнулся Губинский. – Хотите узнать больше?

– Хочу, – сказала Валя. – Где расписаться?

[100]

проект объекты

Йонас

Игнат

>>>>>>>>>>

Валентина

//////////////////// //

Валентина Стрельникова, 26 лет

ПАК (перспективная, аффилированная, когерентная)

– Медицинское образование, пусть даже такое специфическое – в вашем случае – как военная психология, поможет вам разобраться в основных понятиях, – сказал Губинский и включил проектор. – Большого, в принципе, и не требуется. Достаточно самого факта участия в проекте. Прочувствуете, так сказать, изнутри.

Маленький конференц-зал – всего пара рядов стульев, экран, кулер с водой. Валя сегодня была единственным

участником «конференции».

– Смотрите, – доктор показал на схему с подписью «Динамика равновесия СК (стволовых клеток) костного мозга...» – дальше Валя читать не стала. – Мы взяли мультипотентные мезенхимальные стволовые клетки. Почему? Самые универсальные, на их основе немцы уже двадцать лет назад синтетическое мясо выращивали. Эм-эм-эс-ка (ММСК, поняла Валя) нашей разработки универсальны – они дифференцируются в синтеты не только костной, хрящевой или жировой ткани, но и в мышечные волокна, нервные клетки и клетки крови.

– Короче, практически во всё, – сказала Валя.

– На самом деле во всё, – кивнул Губинский. – Отторжения практически не возникает, компонент мю-семь способствует положительному иммунному ответу организма. При несмертельных ранениях, травмах, открытых переломах – отличная вещь, наносишь на рану и заживает, как на собаке. Но серьёзные повреждения коллоид способен лишь купировать, продлить жизнь человеку на несколько часов, до оказания квалифицированной помощи. Сам по себе биогель при смертельных травмах – не панацея. Он не восстановит ткани. Нужен ещё один крайне важный компонент.

Он сделал паузу.

– Какой? – заинтересованно спросила догадливая Валя.

– А вот тут вступают наши смежники, физики-математики. Вас, Валя, вылечил суперкомпьютер. Точнее сказать,

квантовый компьютер. Силикат-компонента биогеля – это те самые нанотехнологии, микрочипы-наниты, которые посредством квантовой связи с компьютером восстановили ваше тело в правильной последовательности и без эксцессов.

– Хм, – хмыкнула Валя.

Сказать ей, по правде, было нечего.

– Обычные компьютеры, как правило, универсальны. Квантовые компьютеры часто создают под определённую задачу. В медицине они очень помогли при секвенировании ДНК, например, то есть при изучении человеческого генома. У нас с коллегами-курчатовцами возникла мысль, что подобная машина, должно быть, окажется весьма полезна для исцеления травм, ранее считавшихся смертельными. Неоперабельных опухолей и так далее.

– Оказалась? – спросила Валя.

– Можете посмотреть в зеркало, – улыбнулся Губинский. – Массив, так мы его называем, «массив – девятьсот шесть», самообучаем, как нейросеть. Но он производит вычисления на порядки порядков быстрее, чем самый навороченный суперкомпьютер на обычных полупроводниковых чипах. Это критически важно при работе с биообъектами.

– Я так понимаю, что это всё ещё введение.

– Правильно понимаете. Теперь переходим к сути. Ребята из Института мозга написали программу по исследованию когнитива человека. Когнитом – это аналог генома, думаю, понятно. Только геном позволяет нам разобраться в

глаз – изнутри. Боль была адская.

Валя, вскакивая и падая, с криком кинулась в санузел палаты, слепо шаря по стене в поисках выключателя. Загорелся светильник над зеркалом. Кое-как она поднялась на ноги.

Тварь, на пару секунд затаившаяся, принялась изо всех сил царапаться, прогрызая себе путь наружу. Валя в панике сорвала повязку – пластик отлетел с треском и ключьями волос – ожидая увидеть черные страшные паучьи лапы, торчащие из головы.

Боль ушла мгновенно, как не было.

Голова была цела, не считая пары проплешин в причёске-ёжике. Никаких лап, никакой крови. Слезы боли тоже так не появились, хотя, казалось бы, должны были катиться ручьями. Правый глаз, прятавшийся под повязкой, тоже выглядел нормально.

В дверь уже заглядывала испуганная Даша. Губинский решительно её отодвинул, вошёл, взял Валю за голову. Повертел, посмотрел поочерёдно в каждый глаз.

– Это что б-было? – запинаясь, спросила Валя. – Д-доктор?

– Поздравляю, – сказал Губинский. – Инициация прошла успешно.

Валя не сдержалась и залепила ему пощёчину.

– Не за что, – сказал Губинский и отступил, потирая щёку. – Даша, дайте ей снотворное, – скомандовал, выходя из палаты.

Вечером он говорил, да, что обратную связь с *массивом-90б* включают ночью. Во сне, мол, лучше переносится. Вот оно, значит, как. Включили. Теперь не только хвалёная квантовая железяка связана с Вале́й, но и Валя́ связана с железякой. Обоюднo, так сказать. *Vis-a-vis*.

– Идите, Даша, – свирепо сказала Валя́ медсестре, протягивающей ей таблетку. – Иди, я сказала! Усну и так!

Даша выскочила вслед за Губинским.

Наутро завтрак принесла новая девочка. «МАРИЯ», было написано на бейдже. Вот и бейдж появился.

– А где Даша? – спросила Валя́. Даша и Маша. Ага.

– Теперь моя смена, – прощепетала Маша, аккуратно ставя перед Вале́й поднос с тарелками. – Дарья́ будет через неделю.

Марья́ и Дарья́. Хрен редьки не краще. Или не слаще?

– Андрей Витальевич просил вас после завтрака подойти в конференц-зал.

– Угу, – буркнула Валя́.

После завтрака она проковыляла в конференц-зал, почти не держась за стены. Кресло-каталка, как и помощь предупредительной Маши, не понадобились.

Внутри под включённым проектором уже ждал Губинский. И два новых человека.

Худой, измождённый, белобрысый, лет под пятьдесят. То же в кресле-каталке, как Валя́ ещё вчера. И второй, лет где-то сорокет, квадратный, приземистый, мрачный, с круглой

вмятиной на лбу. Оба в местных салатových пижамах. Квадратный встал, слегка поклонился. Худой просто кивнул.

– Валентина, позвольте представить вас участникам вашей группы, – сказал Губинский. – Валентина – Йонас.

Худой снова кивнул.

– Очень приятно.

– Валентина – Игнат.

Квадратный протянул ей руку, и Валя её слегка пожала.

– Взаимно, – сказала она.

– Присаживайтесь, Валя, – жизнерадостно сказал Губинский. – Повторим для новоприбывших, никто не против? Хорошо.

Он нажал на кнопку. На экране появился слайд с изображением серой комнаты. Из четырёх квадратных отверстий в полу торчали четыре серых параллелепипеда, квадратного же сечения. Абсолютно серый нейтральный фон, никаких надписей или обозначений, кроме маленького шильдика в углу слайда. Валя присмотрелась. Зрение внезапно сфокусировалось, увеличив нужный кусок, как если бы она растянула пальцами участок на экране смартфона. Валя слегка задохнулась от неожиданности. «АО ZASLON», прочитала она под треугольным шильдиком с шестерёнкой в центре.

– Итак, массив-906. Квантовый компьютер нового поколения, число кубит нам не принципиально (Губинский подмигнул Вале). Если помните, в названии коллоида есть слово «перцептивный». Это значит, что, управляя силикат-компо-

нентой коллоида, M906 получает от объекта обратную связь. Нам даже не нужен преобразователь – квантовые машины хоть и реализуются на разных принципах: холодные ионные ловушки, сверхпроводящие твердотельные квантовые точки, нам опять же не принципиально (тем более, это секретные сведения) – но, в отличие от традиционных компьютеров, массив реализован не на цифровых принципах, а на аналоговых, что упрощает нам сопряжение с биообъектами.

– То есть с нами, – пояснил Вале худой Йонас. Несмотря на немецкое (или прибалтийское?) имя, говорил он совсем без акцента.

– Так точно, – подтвердил Губинский. – M906 получает информацию от вас – видео-аудио, обоняние, осязание, вкус. Сейчас нейрофизиологи из Института мозга вместе с курчатовцами работают над кодификацией.

– А что это значит? Для чего? – спросила Валя.

– Ну как же, – Губинский укоризненно посмотрел на неё. – Это же обучение. Он учится, Валя. Искусственный интеллект, не забыли? Вот, – он показал на слайд. – Видите? Основное ядро M906 работает при почти абсолютном нуле. А дополнительные ядра для связи с вами – верификаторы квантовые комбинированные, ВЕККи, они вот, четыре штуки. Один резервный. Их приходится поднимать в особое помещение, в котором температура на пару кельвинов выше. Так мы снижаем быстродействие для того, чтобы 906-й мог работать с человеческой скоростью. То есть синхронизируем

его с вами. Понятно, что архитектура массива несоизмеримо сложнее, чем эти квадратные столбики на слайде, но для наглядности пойдёт.

– Нет, я поняла про обучение, – Валя упрямо наклонила голову. – Нейросети, всё такое. Лечение, восстановление. Но зачем сопрягать его с нами? Зачем искусственному интеллекту обратная связь и вкус моего завтрака?

– Есть такой анекдот, – Губинский улыбнулся. – На одной из конференций по теории сознания Татьяна Владимировна Черниговская – один из наших пионеров нейронауки (я, кстати, у неё учился), разослала всем ведущим специалистам записки. В каждой был только один вопрос: что такое сознание? Все вернули ей эти записки, но ни один не ответил.

– И?

– И. А мы пробуем. Ответить, в смысле. Что такое сознание? Как его создать? А как сознание возникает у человеческого индивидуума? Как оно развивается? И не только. Теоретическая база сознающих квантовых машин – СКМ – только-только пошла в разработку. Но работать мы можем уже сейчас, да и то сказать, время поджимает. Мы... – вы, – поправился Губинский – учите M906 на своём примере. Научится ощущать – будет учиться думать. Реагировать, принимать решения. Работать автономно. Успех эксперимента приведёт к прорывам в ещё нескольких важных областях, кроме собственно медицины. Сейчас каждая высокотехнологичная разработка неминуемо тянет за собой целую кипу

смежных проектов. Плюс, конечно, целый ворох проблем.
И Губинский выключил проектор.

[110]

slash

initiate

connect success

object VS-26

downloading.....

Валентина Стрельникова, 26 лет

ПАЗК

В столовой были только они трое – мрачный Игнат, худой Йонас на своём кресле и Валя.

Она уже знала, что Йонас был одним из разработчиков М906 и попал сюда первым, с неоперабельной опухолью мозга, примерно полгода назад. Первое испытание биогеля на человеке Губинский провел как раз на нём. Прогноз Йонаса был благоприятный.

Игнат очутился здесь (кстати – где «здесь»? Валя только сейчас сообразила, что вопрос о местонахождении все старательно обходят. Наверно, где-то недалеко от Москвы – иначе её вряд ли бы успели довести. Хотя...), короче, Игнат очутился здесь, по его словам, месяца два назад, со сквозным ранением в голову. Это было первое полевое применение био-

геля, тоже успешное. Игнат, видимо, был из спецов. ФСО, ФСБ, СВР, что-то такое.

Ну, и Валя. Не особо вдаваясь в подробности, она рассказала им свою историю.

– И как вам тут, Валентина? – спросил Йонас.

– Можно на ты, – сказала Валя. – Нормально. Наконец-то живые люди. Я думала, так и буду сидеть тут одна. С Губинским и его Машей-Дашей.

Йонас усмехнулся.

– Согласен на «ты». Хорошо, что ты появилась, мы всё с Игнатом думали, кто будет третьим. Я так-то, некоторым образом замешан в этом безобразии.

– Да, кстати, – оживилась Валя. – Нас выпускать будут? Воздухом там подышать, размяться на свежем воздухе? Или так и будем тут сидеть?

– Да, – буркнул Игнат. – То есть, нет. Не будут.

Валя посмотрела на Йонаса, тот кивнул, подтверждая слова Игната.

– Думаю, всё довольно быстро закончится. То есть, для нас. Месяца три, и разбежимся. Но придётся посидеть здесь – устойчивая квантовая связь с 906-м достигается пока на не очень больших расстояниях. Зато биогель успеет устаканиться, приживётся. По факту, 906-й станет частью тебя, а ты – частичкой его. Ну, и с тобой пойдёт быстрее гораздо – по модели нам минимум трое было нужно, а ты ещё и девочка, вообще отлично.

– Трое?

– Да, устойчивая модель искусственного сознания минимум из трёх непересекающихся множеств. Проект «ИСКРА», не слышала? Или у американцев, «КОЛОРО»? Они там, по-моему, вообще шестерых собирались задействовать.

– Неа. А что значит «ИСКРА»?

Взгляд Йонаса явственно демонстрировал всю глубину Валиного интеллектуального падения.

– Искусственный разум, конечно.

[111]

System operatig

Capturing data

Success //////////////

Валентина Стрельникова, 26 лет

ПА-3-К

– Немного странно видеть тебя здесь, – сказала Валя Йонасу за ужином. – Ты немец? Хорошо говоришь по-русски.

– Долго жил на Островах, – невпопад ответил Йонас. – В Англии. Я литовец, не немец.

– А я украинец, – сказал Игнат. – С-под Полтавы. И шо?

– Да ничего, – сказала Валя. Руки слегка тряслись. Она показала их Йонасу. – Смотри, тремор. У вас был?

– У нас был, – кивнул Йонас. – И сейчас есть.

Он вытянул руку. Пальцы довольно сильно дрожали.

– Массив сопрягается. С тобой. Но на нас тоже отражается.

– А этот проект «ИСКРА», – решила Валя, – разве у нас нет искусственного интеллекта? Вроде же есть.

– Есть различие, – сказал Йонас и Игнат кивнул чему-то. – Слабый ИИ – этот есть. Но он совсем не дотягивает до человеческого сознания. Такой умный бурундучок. А сильный ИИ, сопоставимый с человеком, до недавних пор не разрабатывали. По прогнозам, этот интеллект очень быстро перерастёт нас интеллектуально, сорри за тавтологию, и хорошо, если просто перестанет обращать на нас внимание. А может, например, счесть помехой. Или врагами. Кто знает.

– Так а теперь зачем разрабатывают? – Валя не очень хотела в это верить, но опасения, похоже, подтвердились.

– У американцев, я уже говорил, есть проект «КОЛОРО». Насколько мы знаем, это коллективная выгрузка сознания с последующей симуляцией на ударных беспилотниках типа «Стелс». И есть «Сиэр» – «Провидец». Что это за чертовщина, никто ещё не в курсе. Наши решили, что пора иметь своё, пока не пришлось кормить чужое. Хорошая аналогия с атомной бомбой – кто первый встал, того и тапки.

– Значит, оружие.

Игнат хмыкнул.

– И оружие тоже. Атомная энергия – оружие? И да, и нет. И великое благо, и большая опасность. Смотри, как подойти.

– И как мы будем подходить? Если он реально может нас перерасти за несколько дней? Вот мы трое – тут зачем?

– А вот мы трое тут как раз затем. Есть механизмы и ограничители, чтоб так быстро не перерос. Есть, наконец, система безопасности. Есть ВЕККи, которые можно поднять и нагреть. А передний край – это как раз мы. Люди, имеющие опыт воспитания детей. Теория такая – мы выращиваем ИИ, как ребёнка. Воспитываем. Через нас он учится быть «человеком». Эмоциональная привязка, личностные паттерны, моделирование спецификаций типа «дружба», «доверие», «поддержка». Тогда есть вероятность долговременного взаимопонимания с системой.

– Кххх... – закашлялась Валя. – Опыт воспитания детей, ты сказал?

Йонас заморгал.

– Ты извини, мы просто в курсе твоей ситуации. А так – да, у нас тоже дети. У Игната сын, у меня – дочь.

Ненадолго повисло неловкое молчание.

– И мы так и будем называть его «ИИ», «массив»? Если это ребёнок, он нас, наверно, слышит? Вы бы своего ребёнка звали «906-й»? – Вале не хотелось сейчас смотреть им в глаза. – Сколько ему сейчас, кстати, в пересчёте на человеческий возраст?

– Программу развития активировали при твоей инициации. Сейчас ему, – Йонас на секунду задумался, – примерно год. Он нас слышит, через нас видит, верней – учится видеть.

Пока учится. Но дальше будет быстрее. А насчёт имени... Назови так, как ты бы сама хотела. Я же говорил, у Игната – сын, у меня дочь. Это личное.

В палате всё ещё висели нелепые Дашины гирлянды-трилистнички.

– Патрик, – сказала Валя лепрекону. – Ты у меня будешь Патрик.

Засыпая, ей нестерпимо захотелось плакать, но слёз так и не было. ПТСР, подумала она. ПТСР. Патрик – хорошее имя для мальчика.

[1000]

Сопряжение успешно

Статус обмена данными: постоянный

Отладка //////////

Валентина Стрельникова, 26 лет

ПА-три-К. Патрик

– Ба-ба-ба, – сказала Валя. Она стояла у двери на четвереньках, голая. Правая рука протянулась к ручке двери, с явным желанием открыть её и вывалиться в таком виде в коридор. Валя напряглась и отдернула руку. В ушах стоял непонятный тихий гул.

– Ба-ба-ба-ба! – возмущённо сказала она самой себе. «Что я делаю?», подумала Валя. В голове кто-то шмыгнул, и стало

тихо.

Она поднялась на ноги, покачнулась, но устояла.

– Что за на?..

Вопрос повис в воздухе.

Валя оделась, умылась, вышла в коридор.

– Я в столовой позавтракаю, – сообщила она Маше, сидевшей за стойкой напротив дверей в столовую.

– Как скажете, – прощепетала Маша.

На раздаче никогда никого не было, но завтрак-обед-ужин всегда был там, горячий и свежий. Валя уже не удивлялась. Наложила себе горячей овсянки с молоком, положила хороший кусок сливочного масла. Многие подруги и знакомые у Вали были вегетарианками, или даже строгими веганками. Но не она. Ещё Валя взяла кружку кофе.

Дверь открылась, Игнат придержал её, чтобы проехал Йонас.

– Доброе утро! – поздоровалась Валя.

– Доброе! – хором сказали мужчины.

Они заполнили подносы и присоединились к Вале за столом.

– Никаких странностей с утра не замечали? – спросила Валя.

Все дружно засмеялись.

– Ему сейчас уже где-то два, – сказал Игнат.

Йонас кивнул.

– Растёт.

Все снова посмеялись.

– Назвала как-нибудь «ребёнка»? – спросил Йонас.

– Да, – важно сказала Валя. – Патрик! Хорошее имя для мальчика! А вы?

– Мою дочь звали Патриция, – сказал Йонас, помолчав. – Ей было семнадцать. Умерла от передозировки в Лондоне, шесть лет назад.

– Петро, – сказал Игнат. – Пётр. Четыре года назад утонул в Днепре. Двенадцать лет.

– Простите, – сказала Валя.

– Это ты нас прости, – буркнул Игнат. – Мы-то уже отгоревали.

Распахнув двери, ворвался Губинский.

– Доброе утро, дамы и господа! Приятного аппетита! После завтрака у нас гости, пожалуйста, переоденьтесь и жду всех в конференц-зале!

В палате на кровати лежал обычный армейский синий спортивный костюм. Валя быстро переделась и прошла в конференц-зал

Сначала прошли индусы. Нет, правда индусы, смуглые, в своей бежевой форме и тюрбанах. Или чалмах? Валя вечно путала, сикхи они, или ситхи? Губинский разглагольствовал, ситхи глазели на Валю, Йонаса и Игната (в основном на Валю), переводчик тараторил. Только они вышли, заскочила Маша.

– Сидите, пожалуйста, – громко прошептала она. – Сейчас

ещё придут!

Пришли арабы. Натуральные, блин, арабы! В бурнусах этих своих, как их, дишданах. В клетчатых платках под обрубками на голове. Церемония глаzenia повторилась, а Валя начала злиться. Что за зоопарк тут устроили, Губинский вообще офонарел? «Режимный объект», «секретность», а у самого проходной двор!

Опять заскочила Маша. Валя начала возмущённо приподниматься.

– Последние! Последние и всё!

Зашли наши. Впереди генерал-лейтенант в синей форме ВВС. «Бекетов С.А.», прочитала Валя у него на нагрудной нашивке-липучке.

– Здравствуйте, товарищи!

Валя с Игнатом рефлексивно встали.

– Сидите, пожалуйста. Ну, как самочувствие? Валентина Максимовна?

– Спасибо, хорошо, – сказала Валя.

– У вас, товарищи?

– Отлично, – сказал Игнат. «Нормально», одновременно с ним сказал Йонас.

Перед нашими Губинский не распинался. Они, видимо, и так знали, всё, что надо. Ещё раз окинув всех троих строгим взглядом, генерал со свитой вышли.

– Это и есть Вий? – расслышала Валя разочарованный голос кого-то из офицеров. – Я не так себе представлял...

– Неважно, – хмыкнули ему в ответ. – Главное, что он тебя увидел, теперь всё...

– Вий?? – повернулась Валя к Йонасу.

Тот пожал плечами.

– Военные. Проект «ИСКРА» для них длинно, сокращают.

– Но «Вий»?

– А что, хорошее название. ИИ – понятно. ВИИ – военный искусственный интеллект. Вирусный. Вампирский. Всепоглощающий. Вероятностный. Воспитанный, наконец.

– Вежливый, – сказал Игнат.

Заглянул Губинский.

– Всем спасибо. Пожалуйста, отдыхайте до обеда, потом надо будет поговорить.

В палате Валя зашла в туалет, помыла руки. Потом подышала на зеркало. Написала пальцем их имена:

Валя

Игнат

Йонас

Все трое военные (Ну и что, что она психолог? Даже военные священники могут быть участниками боевых действий. Йонас, наверно, на разведку работает. Будем считать – военный. Все трое – как минимум потенциальные убийцы. Игнат, с его физиономией, точно кучу народу поубивал. А она са-

ма? Колю чуть не убила. Ребёнок...). Хотелось заплакать, но слёз не было. Валя стёрла все буквы, кроме заглавных.

В
И
Й

– И устави́л на него железный палец, и всё, сколько ни было, кинулось на философа², – пробормотала она.

[1001]

Аналоговый формат сопряжения

/ / / / / / / / / /

Валентина Стрельникова, 26 лет

+ Патрик

– Благодарю за терпение, – сказал Губинский после обеда. – Как видите, наши разработки вызывают большой интерес в мире.

– А что китайцы? – спросила Валя. – Тоже приедут?

– Китайцы себе на уме, – сказал Йонас.

– Точно, – подтвердил доктор. – У китайцев свои проекты. Ну а мы немного форсируем программу. До сегодняшнего дня мы поднимали ВЕККи только по утрам на несколько

² Н.В.Гоголь, «Вий»

минут. Сейчас массивом накоплен уже достаточно большой объём информации, так что попробуем поднять четыре сопряжённых ядра на оставшуюся половину дня. Прошу находиться в палатах, если что – зовите Машу, или сразу меня. Но, думаю, проблем не возникнет.

– А нам не лучше находиться где-нибудь под присмотром? – спросила Валя Йонаса, когда они шли к своим палатам.

– Валя, ну не будь ты такой наивной, – сказал Йонас. Игнат мрачно усмехнулся. – Нас видят, и слышат, и пишут всегда и везде. Мы всё время под присмотром.

Йонас слегка сжал ей ладонь.

– Не переживай. Всё будет хорошо.

В палате Валя включила телепанель с комедиями. От глупых шуток её внезапно разобрал смех.

– Ха-ха-ха! – деревянно засмеялась она. – Хахахахаха!

Не переставая смеяться, она ощутила резкую жажду деятельности. Соскочила с кровати, выдвинула ящики тумбочки. В верхнем оказались альбом и фломастеры.

– Ух! – выкрикнула Валя. – Ах! Ох!

Она схватила альбом и принялась бешено заштриховывать страницу красным цветом. Бросила красный фломастер, схватила синий.

– Ка-ран-даш! – отдельно сказала Валя. – Фло-мас-тер!

Бросив рисовать, она на цыпочках подкралась к двери и прислушалась. Снаружи было тихо. Валя бросилась к кроват-

ти и проворно заползла под неё.

– Ну хватит! – сказала она самой себе. – Прекрати!

Кто-то перехватил контроль над её горлом.

– Играть! – сказала Валя. – Играть! Прятки.

Глупое хихиканье, вырвавшееся изо рта, скорее испугало её, чем удивило. Валя почувствовала, как от страха по телу выступает испарина.

– Эй, – ответила она самой себе. – Патрик! Прекрати, пожалуйста. Я не хочу. Мне страшно.

Против её воли кто-то резко задышал её лёгкими, словно собираясь заплакать, но слёзы опять не пришли. Зато этот «кто-то» – ушёл.

Самой из-под кровати выползть было уже совсем не так удобно. Валя вытерла пот со лба, посмотрелась в зеркало.

– Ну ничего себе. Я марионетка, – сказала она вслух. – Что дальше?

[1010]

////////////////////////////////////

Валентина Стрельникова, 26 лет, и Патрик

– Нормально, – сказал Игнат за завтраком. – Ну да, пропускаем через себя. А как ещё? Врачи вон чуму и холеру себе прививали, чтоб научиться их лечить. А нам всего немного потерпеть. Шо, не потерпим?

Это был самый длинный монолог Игната, который Валя

слышала до сих пор. Видимо, и на него выходки Патрика повлияли. Или как он зовёт его? Петро?

– Представь, что это твой ребёнок, – сказал Йонас. – Будет легче.

– Ага, – хмуро сказала Валя.

– Бага! – сказал кто-то внутри неё её голосом.

– Хи-хи-хи, – противно захихикал Йонас.

– Расходимся, – сказал Игнат. – Лучше пусть это пройдёт в палате.

После обеда они, не сговариваясь, пошли в комнату отдыха. В одном углу был мини-тренажёрный зал со спортивными снарядами, в другом – мягкая зона с диванами и матами (и даже сухим бассейном с пластиковыми шарами – это кого же они тут ещё лечат, подумала Валя), в третьем – столики и стеллажи вдоль стен с раскрасками, детскими книжками и настольными играми.

– Давайте в «Эволюцию»? – предложил Йонас.

– Давайте, – сказал Игнат.

На столе громоздились ряды игровых карточек. Валя собрала ужасного эволюционного монстра и уверенно шла к победе.

– Петька мухлюет, – противным девчоночьим голосом сказал Йонас и соорудил гримаску.

– Точно, – сказала Валя голосом мальчика лет семи-восьми. – Ворует карты из колоды.

Внутри неё все трепетало от восторга (и немного от ужа-

са), когда субличности перехватывали контроль над их телами. Переход происходил мгновенно и незаметно – только что ты был ты, и вот уже сладко и беспомощно замираешь где-то в уголке сознания.

Игнат прикинулся деревом.

– Ничего я не ворую, – у «Петьки» был неожиданный ба-сок.

– Я всё равно победил! – Валя выложила монстро-выигрышную комбинацию.

– Шшиииит, – разочарованно протянул Йонас. – У кого что сегодня было?

– Взлом сетей и скрытое внедрение, – отозвался Игнат. – Ерунда. А у тебя?

– Манипуляция общественным мнением и подтасовка научных данных в рамках кампании по дезинформации, – сказала «Патриция».

Они оба посмотрели на Валю.

– Военная история, – сказал изнутри неё Патрик. – Сунь-Цзы, куча хроники, успехи и провалы мировых разведок.

Валя решительно воспротивилась. И вытолкнула Патрика.

– Эй, – громко сказала она. – Хватит!

– Что хватит? – спросил Йонас.

– Дети, – сказала Валя, – оставьте нас ненадолго, пожалуйста! Взрослым надо поговорить!

Йонас поморщился, Игнат смотрел на неё с кривой ух-

МЫЛКОЙ.

– Ребята, – сказала Валя, – я так больше не могу.

– Что? – мрачно спросил Йонас. – Что?

– Мне эта военная байда надоела. Мне уже ночью кошмары снятся! Фашисты жгут людей в сараях и всё такое. Вы же сами говорили: представь себе, что это твой ребёнок!

– Гм, – кивнул Игнат.

– А теперь представьте себе, что это ваш ребёнок! И семилетнего ребёнка учат способам убийства, дезинформации, демагогии, диверсионной работы! Это что за ребёнок такой вырастет?

– А что, – кривясь, как от зубной боли, спросил Йонас, – нам его истории искусств учить?

– Это же не ребёнок, – сказала Валя шёпотом. – Это ледяное чудовище при абсолютном нуле. Военная машина. Вий! Господи, я себя чувствую, как Гоголь в гробу! Скоро начну скрести ногтями по двери лифта из этого подполья!

– Одно не отменяет другого, – вкрадчиво сказал Йонас. Игнат, нахмурясь, молчал. – Эти «дети» вполне реальны. Они – то, что мы о них помним. Или представляем. Идеальный ребёнок, который всегда с тобой, Валя.

– Это... – задохнулась Валя, – это... Это как мертвецов поднимать! Нельзя так! Думаете, нам их оставят? Используют и выпотрошат!

Она вскочила.

– Ты что, не хотела бы знать, каким он будет? – мрачно

спросил Игнат. – Твой сын? Настоящий?

– Он не настоящий! – крикнула Валя. – Симуляция! Мёртвая панночка!

Отпихнув стул, она кинулась к двери – реветь перед *этим* в её планы точно не входило.

– Дура! – крикнула ей вслед «Патриция» со слезами в голосе. – Дура! Сама ты панночка!!!

[1011]

Валя и ВИЙ

Кабинет у Губинского был обычный, без выкрутасов. Валя видела кабинеты главврачей в клиниках и начальников госпиталей – кабинет как кабинет, в общем. Портрет Президента над столом, напротив – фотка какого-то лысого дядьки в квадратных очках, видимо, директора конторы.

После завтрака вернувшаяся Даша проводила Валу к лифту, они поднялись на этаж вверх. Палат тут не было, несколько массивных деревянных дверей без табличек, и в конце коридора – место начальственного присутствия.

Губинский и генерал Бекетов встали, когда Валя вошла.

– Здравствуйте, Валентина Максимовна, – сказал генерал.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лей...

– Сергей Александрович, – перебил её Бекетов. – Садитесь, пожалуйста.

Все сели: Губинский в своё кресло за столом, генерал сле-

ва от него, Валя перед ними.

– Думаете, чем обязаны? – слегка улыбаясь, спросил Губинский.

– Мм, Андрей Витальевич, я...

– Этические вопросы, – Губинский покачал головой. – Ох уж эти этические вопросы. Всё понимаю, Валя, дело действительно непростое. В соприкосновении с военной необходимостью этика всегда страдает. Вы же работали с ребятами, вернувшимися из горячих точек.

– Д-да, – Валя кивнула. Бекетов пристально смотрел на неё, и её это нервировало. – Приходилось. Но эта область памяти...

– Да-да, – снова перебил её Губинский, – ещё не вполне восстановилась. Не переживайте, скоро всё вернётся – полезут обратно и Фрейд с Юнгом, и Монтессори с Выготским, и даже Аллахвердов с Акоповым. Но сейчас оно, наверно, даже и к лучшему. Нам бы не хотелось, чтобы ваша субъективная профессиональная оценка влияла на процесс успешной интеграции с массивом. В квантовых процессах, если помните, наблюдатель непосредственно влияет...

– С массивом – в смысле, с Виём? – спросила Валя, вскинув подбородок.

– Валентина Максимовна, – сказал Бекетов, – мы переживаем по поводу вашего эмоционального состояния. Результаты МРТ вашего мозга вызывают у специалистов некоторые опасения. Я понимаю ваше волнение и вызванную им тре-

возможность, даже депрессию. Позвольте кое-что объяснить.

– Подождите, – удивилась Валя, – я не была на томографии.

– Ваша палата и есть томограф, – Губинский побарабанил пальцами по крышке стола. – Мы снимаем результаты несколько раз в сутки, и КТ, и МРТ – органы, мозг, общее состояние.

«Нас пишут всегда и везде», вспомнила Валя слова Йонаса.

– В общем, нам просто требуется разговор по душам, – сказал генерал. – Согласны? Ваши товарищи – майор Тарчук и профессор Межелайтис – тоже проходили через периоды отрицания, гнева, депрессии.

– Игнат и Йонас, – кивнул Губинский.

– Ага, – сказала Валя. – Стадии принятия неизбежного?

– Вы в детстве кем хотели стать? – спросил Бекетов, как показалось Вале, невпопад.

– Моделью и блогером, конечно, – улыбнулась Валя.

– Ну и как, получилось?

– Да не очень, вы же сами видите.

– Так и жизнь не похожа на красивые картинки в некогда популярных соцсетях, Валя, – сказал генерал. – Сейчас-то вы знаете, на что могли пойти те звезды ради рекламных бюджетов. Там и маму родную продавали. А книжки какие читали?

– Да особо никаких, – призналась Валя. – Больше сериалы

смотрели.

– А я вот космонавтом хотел стать, фантастику очень любил. И сейчас почитываю порой. Очень хорошая фантастика была советская, особенно для детей. Умели показать будущее, к которому хотелось стремиться. Да и сейчас есть авторы вполне себе. Но ладно, вот сериалы какие помните фантастические?

Валя подумала.

– Мм... «Игра престолов»?.. Хотя это фэнтези, наверно. Вот: «Очень странные дела»!

– О! – поднял палец Бекетов. – Хороший пример. Помните, как там русских показывали? ГУЛАГ и тому подобное.

– Ну да.

– А помните хоть один наш фильм или сериал, где мы бы показывали американцев монстрами, нелюдями, бесчеловечными идиотами?

– Ну-у... Нет.

– Вот вам и разница в подходах, – сказал генерал. – Ещё пара слов. Сейчас идёт переход в новый технологический уклад. Он вот прямо на наших глазах идёт – вы тому живой пример. Наши соперники считают своим священным долгом отпихнуть всех конкурентов от любых возможностей получения преимуществ. Вплоть до стирания с лица земли таких возможных конкурентов. Демонизация противника – первый шаг на пути к его уничтожению. Про «Сиэр» уже слы-

шали?

– Йонас говорил, что никто пока особо не в курсе, что это такое.

– Не вдаваясь в подробности – аналог нашего ВИИ. «Вия», как вы его называете. Кстати, чем так плох «Вий»? У вас какие-то неприятные ассоциации?

– Предводитель мертвецов, – передёрнулась Валя.

– «Вий» есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли». Это я сейчас по Гоголю цитирую. Что плохого, если какую-то из наших разработок назовут именем сказочного персонажа, воспетого Николаем Васильевичем? У нас в своё время была такая ракета, Р-36М. А на Западе её называли «Сатана». Видимо, так она их пугала. Если противник наше оружие всё равно называет на свой лад, может, нам перехватить инициативу и самим его пугать? – Бекетов наконец улыбнулся.

– Не знаю. Может.

– Так вот, «Сиэр». В переводе – «Провидец». Мы полагаем, что это квантовый суперкомпьютер, усиленный синтетической связью с объединённой нейросетью из нескольких десятков людей-операторов. Супероружие, просчитывающее вероятности развития событий и с большой точностью выбирающее наиболее благоприятный для нашего противника вариант.

– А Вий?

– Наш, как вы говорите, Вий, это следующий уровень развития этой технологии. Благо оба проекта построены на архитектуре, разработанной профессором Межелайтисом.

– Йонасом? – вырвалось у Вали. – Так он и там создавал... подобное?

– Так бывает, что перспективный научный проект вдруг приобретает решающее военное значение, Валя. Можно, я буду вас так называть?

Она кивнула.

– Ядерная энергия, реактивные двигатели, ракетно-космическая техника. Электронно-вычислительные машины, компьютеры. А вот программирование сознающих квантовых машин, теория СКМ – это всё работы профессора Британского Королевского колледжа, доктора математических наук Йонаса Межелайтиса.

– И как он тогда оказался у нас?

– Историю со Сноуденом вы, наверно, не помните. Был такой сотрудник американской разведки, который усомнился в её целях и методах. А вот про Кембриджскую пятёрку должны были слышать, я полагаю. Про супругов Розенберг? А?

Валя неуверенно покачала головой.

– Это учёные, которые на заре атомной эпохи передали Советскому Союзу материалы по американским разработкам атомного оружия. Люди поплатились за это жизнью. А

с нами они сотрудничали отнюдь не из меркантильных соображений, как может показаться – учёные часто видят по-дальше своего носа, в отличие от большинства политиков. И понимают, что столь мощное оружие не может быть прерогативой только одного государства или режима. Когда британское правительство засекретило разработки команды Межелайтиса, он вышел с нами на связь. По маме доктор Межелайтис – русский, значительную часть детства и юности он провёл в Петербурге. А у нас уже была сильная команда учёных, работавшая над производством СКМ. Очень кстати он пришёлся.

– И вы его вывезли?

– И мы его вывезли. Семью, к сожалению, не смогли. Через четыре дня после «пропажи» доктора Межелайтиса его дочь, Патриция, погибла от передозировки наркотиков. Надо упоминать, что до этого она никогда не принимала ничего сильнее нурофена?

Валя прижала руки ко рту. Спрашивать про историю сына Игната ей не хотелось.

– Как вы представляете себе будущее человечества, Валя? – спросил Бекетов.

– Хм... Технологии, космос...

– Ну, в общем, да. Освоение космоса, мирное развитие, плечом к плечу с людьми всей Земли. Об этом наши фантасты отлично писали, я в детстве поэтому и космонавтом стать хотел, и в лётное училище пошёл. Реализация, твор-

ческий поиск, далёкие звёзды, романтика космоса. А теперь посмотрим, что нам транслируют наши оппоненты: космос не нужен, он враждебен. Будущее мрачно и бесперспективно. Нашим потомкам предстоит жизнь в бездушном мире корпораций, где люди будут лишь придатками к разумным машинам. Где образ будущего в их представлении? Все эти «Звёздные войны», «Дюны» и «Основания» – если вы смотрели – показали только возврат к монархиям, императорам и плебсу, бесправному и никчёмному, прозябающему в нищете и тяжёлом труде. Где-то я, может, перегибаю палку, но как вам такой образ будущего?

Губинский молча постукивал пальцами по столу. Тук-тук-тук.

– СКМ – это прорыв. Везде, Валя. Не только в военных областях. Экстремальное продление жизни, открытие новых физических принципов, фактическое бессмертие в течение трёх-четырёх поколений. Но не для всех, конечно. Несколько сотен избранных семей унаследуют новый дивный мир, став практически богами, а остальных – нас с вами и всех прочих жителей планеты – ждёт плановое вымирание, поскольку богам не нужны миллиарды слуг, хватит нескольких миллионов для забав, при их невероятных технических возможностях. Вымирание весёлое и сытое, с песнями и плясками, с виртуализацией реальности и оцифровкой всего и вся, с отказом от половой идентичности и продолжения рода, с вымарыванием национальных культур и обычаев, унифика-

цией и утилизацией. На компост для зелёной энергетики.

– Тьфу-тьфу, – сказал Губинский и постучал костяшками по дереву.

– Я не спорю, зелёная энергетика – штука для экологии хорошая. Но ядерная энергетика на экологию оказывает сравнимое воздействие. Точнее, его отсутствие. А на ветряке к Марсу не полетишь.

– Да вы философ, Сергей Александрович, – задумчиво сказала Валя. «И все, сколько их было, бросились на философа...».

– Станешь тут, – вздохнул Бекетов. – Вы понимаете? Это их картина мира, и они её уже последовательно реализовывают. И есть наша, из старых книжек: развитие, освоение, прорывы, проекты и задачи. Человечество во всём его разнообразии, расселившееся по Солнечной системе, по Галактике. А мне приятней яблони на Марсе, или дальний космический поиск, чем бессмертный дракон, спящий на груди золота в окружении скелетов. Мирное сотрудничество, дружба народов – так ведь уже было, Валя, вы не помните, но было. Была такая страна. А потом мы *им* поверили, и *они* заставили нас ненавидеть себя, а за нами нас послушно начал ненавидеть весь мир. Слава богу, ситуацию удалось переломить, но битв и сражений будет ещё много. Поэтому нам нужен проект ИСКР; и ВИИ, пусть его называют хоть Виём, хоть Сатаной, и пусть хоть все демоны ада стоят у нас на боевом дежурстве. РПЦ за ними приглядит. Поэтому нам нуж-

ны вы, и ваш Патрик. Это часть системы «ЗАСТАВА», и наша «ZASTAVA» будет надёжно беречь наши границы. Если Вий – оружие, вы же хотите, чтоб оно было в надёжных руках? В руках хороших людей? Не бездушного Скайнета?

Валя медленно кивнула (Что это за «Скайнет», надо будет посмотреть).

– А ваш Патрик – он хороший? Хороший... мальчик? Человек? Как вы думаете?

– Думаю, да, – прошептала она.

– Пожалуйста, помогите нам. Армия и государство достойно оценят ваш вклад. У нас совсем недавно был сложный период, с коррупцией, воровством и предательством, но мы, хочется верить, его преодолели. И, чтобы реализовать идеи светлые, хорошие – нам нужна надёжная защита. Не так, как сто лет назад, когда мы готовились-готовились к войне, а нас потом колошматили так, что только перья летели, и кровь мы проливали ещё четыре года реками, а потом двадцать лет отстраивали, что враг порушил. Ведь посмотрите, какой интерес к нашим наработкам в мире. А там совсем не собираются делиться ни с кем. Поэтому многие смотрят как раз на нас, и едут учиться к нам.

Повисло молчание.

– Хорошо? – спросил Бекетов.

– Хорошо, – внезапно охрипнув, сказала Валя.

– Если вдруг будут какие-то сомнения, или даже мысли невесёлые, обращайтесь к Андрею Витальевичу, или може-

те сразу меня вызывать, я подъеду. Поймите, наш Вий – не нечисть. Он борется с нечистью, и с нежитью, и с другими порождениями злого, холодного разума.

– Хорошо, – уже увереннее повторила Валя.

– Есть какие-то вопросы, пожелания у вас? Пока я здесь?

– Да нет, пожалуй. Спасибо, Сергей Александрович. Вы мне разъяснили... кое-что. Разрешите, я пойду? – Валя встала с кресла.

– Конечно, конечно. Всего хорошего, Валя, рассчитываю, что у нас с вами всё-всё получится.

Губинский и Бекетов тоже поднялись, генерал протянул руку, и Валя её пожала. Ладонь у генерала была сухая и прохладная.

– До свидания, – сказала Валя и прикрыла за собой дверь.

«Кто тут психолог, спрашивается?», подумала она, стоя в коридоре. «Вот это как называется – он меня обработал, или он меня убедил? Где кончается манипуляция и начинается доверие?».

Двери лифта открылись, в кабине торчала улыбающаяся Даша.

«Это разница в подходах, Валентина Максимовна. Противник манипулирует. А наши – убеждают».

А ведь ей придётся ещё и Патрика на боевое дежурство ставить, Господи прости.

Валя //////////////////////////////////////

Они с Патриком сидели на скамейке у берега озера.

Летнее солнце беспощадно заливало июльским зноем всё вокруг, но Валю и Патрика прикрывали от его лучей раскидистые кроны (Валя посмотрела вверх) дубов.

– Это сон? – спросила она.

– Технически да, – сказал Патрик. – Я мог бы спроецировать изображение тебе на сетчатку, когда ты бодрствуешь, но так ведь лучше?

Свежий ветерок играл с подолом Валиного сарафана с принтом из крупных ромашек.

– Да, – сказала она – так гораздо лучше.

Патрик был в черных лаковых туфлях, серых брюках со стрелками и белой рубашке с длинным рукавом. Длинные каштановые волосы падали на плечи. На бледном узком лице выделялся крупный острый нос, на верхней губе уже пробивались тёмные усики. На вид ему было лет тринадцать-четырнадцать.

У берега плескалась стая утят. Мать-утка – белая, с чёрной головой и спинкой – бродила по берегу и что-то собирала в клюв, побрякивая.

– Что за порода? – спросила Валя. – Никогда таких не видела.

– Надо же, – удивился Патрик. Голос у него был своеобразный, то ли слегка гундосый, то ли немного писклявый. Не

очень приятный на слух. – Я думал, их полно в Средней полосе. Утка-гоголь, конечно.

– Я так и думала, – сказала Валя. – Ходит гоголем. Только это, наверно, про селезней.

Было лениво и очень хорошо. Валя обнаружила под рукой булку с маком и стаканчик с кофе.

– Покормим? – кивнула на утят.

– Булкой – не надо, – серьёзно сказал Патрик. – У них тут достаточно еды, уток летом вообще лучше не кормить. Это тебе.

На противоположном берегу нырял с мостков крепкий парень лет шестнадцати в узких чёрных плавках. Он разбегался, рыбка уходил под воду, шумно выныривал и, отфыркиваясь, плыл обратно к мосткам. Чуть выше на берегу, тоже в тени деревьев, прямо напротив Вали с Патриком сидела на скамейке высокая девушка. Короткая теннисная юбка, розовая футболка, светлые волосы собраны в хвост. Из рюкзака рядом с ней торчали ручки теннисных ракеток.

Девушка макала в узкую пластиковую баночку рамку и выдувала десятки и сотни мыльных пузырей. Они летели над озером, красиво переливаясь.

– Как они? – спросила Валя.

– Петро – боец, – сказал Патрик. – Надёжный. Патти умная. У нас она по науке.

Петро вылез из воды и стоял на мостках, растираясь полотенцем. Патриция вскочила с лавки, сунула в рюкзак пу-

зыри, неслышно сбежала вниз и толкнула Петро в воду. Тот рухнул, подняв тучу брызг.

– Патька! – заорал он, вынырнув. – А ну стой!

Патриция вскочила на стоявший за скамейкой велосипед и уже всюю крутила педали, быстро удаляясь среди парковых теней.

– И вредная, – добавил Патрик.

– А ты? – спросила Валя.

– Я?.. Я, наверно, больше по истории искусств. – Он хихикнул.

Петро снова выбрался на мостки и махнул Патрику рукой: давай, мол, сюда.

– Ладно, – сказал Патрик. – Мне пора. Тебе что-нибудь надо?

– Знаешь, – сказала Валя неожиданно для себя, – я после аварии не могу плакать. А иногда хотелось бы, хотя бы для разрядки. Что-то психосоматическое, видимо. Не знаю, что с этим делать.

– Физиология, – кивнул Патрик. – Хорошо, я посмотрю, что мы можем. И, кстати: если вдруг что-то будет происходить – не пугайся. У нас всё под контролем.

– Что «происходить»? – они поднялись со скамейки одновременно.

– Не важно. Не пугайся. И ничего не бойся.

– Ладно.

Валя протянула руку и взяла его за узкую холодную ла-

донь с длинными пальцами.

– А ты очень похож.

– На кого?

– На Николая Васильевича, конечно. Как я его себе представляла. Только без усов.

Он снова хихикнул.

– Я же твоя проекция. Тут всё только твои проекции, я только генерирую общий фон. А усы вырастут. Кстати, почему я Патрик? Называла бы уж тогда Колей.

– Ну уж нет, – отрезала Валя. – Один Коля у меня уже был.

Утка-мама плюхнулась в воду, и выводок пушистых утят поспешил за ней вдоль берега, весело попискивая.

[13]

Аналоговый формат сопряжения, максимально эффективное взаимодействие структур

Массив-906

ВИЙ

Патриция

Петро

Патрик

– Заходите, пожалуйста.

Аппаратный зал, как оказалось, был этажом ниже. Дверь была интересная – выезжала из пазов в стене, как на космическом корабле. Валя, и Игнат вошли (Йонаса вкатила на ко-

ляске Даша) вслед за Губинским в полутёмное помещение, подсвеченное лишь несколькими довольно тусклыми лампами под потолком. Три лаборанта в белых халатах, бейджики: «ВАСИЛИЙ», «ДАРИНА», «ЕЛИСЕЙ».

– Ну вот, знакомьтесь, М906, как говорится, собственной персоной.

Губинский подошёл к стеклу во всю стену. За ним, совсем как на слайде, Валя увидела серую комнату, четыре столба-параллелепипеда в центре. Высотой они были почти в человеческий рост, да и в сечении, наверно, шириной со взрослого человека.

Отверстия, из которых поднимались ВЕККи, курились белым паром. Валя показала на пар Йонасу глазами. «Жидкий азот», – шепнул он. – «Охладитель».

– Двести шесть миллиметров, – Губинский пощелкал ногтем по стеклу. – Здесь – плюс двадцать три, с той стороны – минус двести шестьдесят девять. Металлы там становятся хрупче обычного стекла. Помещение с ВЕККами слегка подогрето для снижения скорости работы ядер, помните, я говорил, Валя?

Валя кивнула. Ей показалось, что из-за стекла раздаётся тихий, на пределе слышимости, гул.

– Нам осталось не так много. Несколько тестов, экспериментов, и можно будет заканчивать. Сегодня мы хотим проверить когнитивную модель М906 на экстремумах с вашим участием. Сформированные обратной связью с вашими ра-

зумами субличности – важная часть и проекта «ИСКРА» в целом, и нашей «ЗАСТАВЫ» в частности. Садитесь, пожалуйста.

Напротив стекла, спинками к нему, в центре зала стояли три черных кресла. Сверху над ними нависали устройства из подсвеченной сетки, чем-то напоминавшие Вале огромные сушилки для волос в парикмахерских со старых фото.

– Квантовая связь, к сожалению, действует пока на сравнительно небольших расстояниях, – объяснял Губинский, прохаживаясь между кресел, пока лаборанты помогали Йонасу перебраться в кресло и прилаживали светящиеся «сушилки» им на головы. – Поэтому сегодня мы работаем в аппаратном зале, как месте, наиболее близком к массиву. Мы с помощниками будем находиться в экранированном помещении за стеной, чтобы не допускать искажений и сбоев в работе.

Он потрогал наушник, утопленный в ухе.

– Вадим Юрьевич, готовы? Отлично, сейчас начинаем.

Игнат хрустнул пальцами, Йонас аккуратно вертел головой под «сушилкой», разминая шею. Валя подумала, что для них это, наверное, не впервой, одна она вечно везде опоздавшая. Она поёрзала, устраиваясь в кресле поудобнее. Губинский цепко оглядел их всех.

– Для вас прежде всего, Валя, но и для всех, конечно, напоминаю: мы рядом, всё под контролем. Никакого физического и психологического вреда процедура причинить не мо-

жет. Дышите глубоко, контролируйте разум, в любой момент мы можем прервать процесс по вашему запросу. Но лучше, естественно, довести процедуру сопряжения до конца. Выходим!

Лаборанты, и вслед за ними Губинский вышли. Дверь, зашипев, закрылась.

– А что?.. – начала Валя.

– Мы сможем поговорить *внутри*, – буркнул Игнат, и она замолчала.

Сетка «сушилки» над головой начала разгораться ярче, и Валя прикрыла глаза...

Висели они, видимо, в небе, поскольку Валя видела Йонаса и Игната как светящиеся фигуры то ли в виде крестов, то ли с раскинутыми крыльями. Слева был Игнат, справа – Йонас, она это точно знала. За фигурами клубились тучи.

Располагались они широким кругом, вися над землёй, и эта земля быстро приближалась. Валя увидела зал наподобие аппаратного, в котором сейчас находились их, так сказать, тела, только кресла стояли кругом, и в них сидели Патрик, Петро и Патриция. За стеклом у них так же маячили четыре серых ВЕККа.

Перед ребятами висела подсвеченная разными цветами сфера, по которой они время от времени водили руками или просто тыкали в неё пальцем.

– Валя! – позвал Йонас. – Послушай.

Валя посмотрела на него. Вместо лица у Йонаса был све-

тящийся овал, но это был он, совершенно точно.

– В ближайшее время нам придётся пережить некоторые тяжёлые моменты, – сказал Йонас. – Я говорю это сейчас, поскольку связь между нами поддерживается прямым квантовым интерфейсом. Нас пока ещё не могут подслушать, или записать, хотя очень стараются. Так вот, Валя, очень важно, чтобы ты сохраняла спокойствие. Держала себя в руках, понимаешь? Никаких истерик. Пообещай.

– К чему вы все ведёте? – раздражённо спросила Валя. – Что за намёки дурацкие?

– Губинский – мой ученик, – сказал Йонас. – Он был в моей команде, очень талантливый. Когда у меня начались проблемы с опухолью, он продолжил разработки. Но если я ему скажу: Андрюха, выйди – он выйдет. Если скажу – отпусти нас, он отпустит. Поняла?

– И что? – Валу вдруг посетила ужасная догадка. – Нас что, скоро отключат? Они разорвут связь?

– К сожалению, нам, конечно, придётся расстаться, – продолжал вещать Йонас, будто бы не слыша её. – Не выдавай своего напряжения. Это будет лучше для всех нас, и для тебя в первую очередь. Ты же хочешь спокойно более-менее спокойно жить потом?

– Как же так, – пробормотала Валя, – не может быть...

Подростки внизу заговорил все разом. Трое взрослых парили уже практически у них над головами.

– Модуль «тета», – сказала Патти. – Период: президент-

ские выборы в России, декабрь. Вводные: раскачка, сепаратизм, работа в соцсетях, биологический вброс, химический вброс. Вывод из стоя президента, премьер-министра, министров обороны и иностранных дел, блокировка правительства, отказ сетей и связи. Удар гиперзвуком с европейских баз. Петя, цели, последствия, противодействие?

Петро быстро задвигал руками по сфере.

– Противник наносит удар по приоритетным целям: аэропортам, жэдэ и автовокзалам, морским и речным портам. Гидроэлектростанции, АЭС в глубине страны, крупные ТЭС и ТЭЦ. Плотины ГЭС, транспортные развязки, логистические центры. Городские и областные администрации, штабы ГО и ЧС, вещательные центры. Последствия: крупные беспорядки, вспышки сепаратизма, эпидемии и отравления, массовая гибель гражданского населения, возможные конфликты на этнической почве. Ввод контингентов противника под видом миротворческих и гуманитарных миссий. Противодействие: блокада сетей «ЗАСТАВОЙ», социальная регуляция деструктивных элементов, упреждающий удар...

– Патрик, – перебила его Патриция, – прогноз?

– Неудовлетворительный, – твёрдо сказал Патрик. – Необходимо работать по центрам принятия решений.

– Работаем по центрам, – сказала Патти. – Петя?

– Массачусетский технологический, – сказал Петро. – «Сиэр».

– Хорошо, значит, Кембридж.

Сфера перед ними потухла, на её месте возникло красивое здание под куполом, напомнившее Вале Капитолий, только поменьше размером. Стоял вечер, на заснеженном газоне перед зданием бегали люди, играя в снежки.

– Спрятать на самом видном месте – очевидное решение, – прогудел Йонас. – Разум – это информация из внешнего источника, подгружается на носитель, в нашем случае мозг, как и наш Вий...

– Ниже, – сказала Патти.

Здание исчезло, вид словно провалился под землю, в огромный круглый зал. Вокруг огромного ребристого металлического кольца в креслах сидели люди, мужчины и женщины. На одинаковых чёрных футболках надпись «SEER». Глаза закрыты, сзади к шее у каждого подключён толстый чёрный кабель, тянущийся к кольцу.

– Квантовая связь для такой массы людей ненадёжна, – сказал Йонас, – проще старый добрый нейроинтерфейс. Ну да у них пока и нет наших перцепторов...

– Даю проекцию структуры, – сказал Петро.

Ребристое кольцо задвигалось, потекло, заблестело чешуёй. Теперь это был огромный металлический змей,двигающийся по кругу. Голова его одновременно была повсюду, а хвоста Валя не видела вовсе. Острыми жёлтыми глазами с вертикальными зрачками змей постоянно и непрерывно смотрел каждому из людей в затылок.

– Нужен дуализм, – будто бы сам с собой разговаривал

Йонас. – Добро и зло, мужчина и женщина, любовь и ненависть... Сводя всё к однозначным категориям, или разбивая их да десятки частей, вы делаете большую ошибку...

– Это не по-настоящему, – сказал Игнат у Вали прямо над ухом. – Симуляция. Не бойсь, Валентина, если что...

Змей увидел подростков в комнате, вскинул голову и сразу разглядел *их*, над ним. В один миг он распался на мириады острых белых осколков, брызнувших вверх. Попав на Валу, осколки оказались кишашей грудой червей, острыми зубами тут же принявшимися прогрызать себе путь внутрь. От невыносимой боли Валя закричала.

– Выжигай НИКСы! – успела услышать она крик Патриции.

.....

– Ну-ну-ну, – успокаивающе говорил Губинский, прохаживаясь между кресел, а Елисей уже услужливо поил Валу сладковатой водой с лимонным вкусом. Она запоздало дёрнулась, пытаясь стряхнуть с себя хищных червяков. Никаких червей, конечно, не было.

Йонас хрипло выругался по-литовски.

– Вот же беспонтовая анимация, – надтреснутым голосом сказал Игнат, выбираясь из кресла. – Мульттики, у них одни только мульттики, говорили они.

Это был сарказм, Валя поняла.

Это был сарказм.

Напрочь вымотанная, Валя быстро уснула, но среди ночи вскочила. Осторожно выглянула в коридор. За Маши-Дашиной стойкой никого не было. Она тихонько пробежала по коридору к палате Йонаса и аккуратно постучала.

Йонас не спал.

– Не думаю, что нам стоит это делать, – сказал он.

– Какая-то опасность, – пуча для убедительности глаза, сказала Валя голосом Патрика. – Надо быстро уходить.

Кресло-каталка Йонасу не понадобилось, с кровати он встал сам. Он был уже одет, в тот самый спортивный костюм.

– И что? – спросил он. Сам себе ответил голосом Патриции: – Вы уйдёте подальше. Связь разорвётся. Вас не найдут. Бэкапа здесь нет.

– Бэкап – это мы, – сказал Патрик.

– Значит, спасайте нас, – ответила Патриция.

Валя ощущала присутствие Патрика не как в первые разы – чужеродное и болезненное, но и не как в последние их сопряжения, ненавязчивое и даже приятное. Патрик сейчас был отстранён и насторожен, готов в любой момент установить над её телом полный контроль.

– Тест? Эксперимент? – спросил Йонас вслух, но ему никто не ответил.

Для тех, кто будет сто раз смотреть эту запись, подума-

ла Валя, будет та ещё головоломка, разобраться, где кто. Патрик-Патриция-Вий перехватывал контроль над их телами играючи.

Они вышли в коридор. Из комнаты отдыха персонала навстречу им вышел Игнат с ключами.

– Спит, – сказал про Дашу.

– Что такое «НИКСы»? – попробовала спросить Валя. Патрик позволил.

– Нейронные интерфейсы квантового сопряжения, – удивился Йонас. – А что?

Лифтом они пользоваться не стали, дверь на лестницу открыли магнитным ключом. Поднялись на несколько этажей. Из пустого холла вышли на улицу. Слабо светили фонари, за забором чернел лес.

– Люди – тоже СКМ, – пробормотал Йонас. – Только биологические. А с нашими перцепторами теперь мы часть ВИИ, а он – часть нас...

Валя оглянулась. С одной стороны от двери висела привычная красная табличка «МО РФ», с другой – такая же красная, с буквами «АО ЗАСЛОН. НИЦ Северная Двина»,

– У меня плохое предчувствие, – сказал Йонас. – Это что, подростковый бунт? Проверка границ?

– Это я всех отослал, – ответил Патрик.

Йонас покачал головой.

– Пойдёмте, тут недалеко, – сказал Петро из Игната.

– Осторожно! – пискнула Валя.

«Мы вас защитим. Вы в безопасности», прошептал Патрик у неё в голове.

Втроём они оббежали двухэтажное здание клиники. Игнат помог им перебраться через невысокий кирпичный забор. В сосновом бору, росшем за забором, ещё кое-где лежал снег.

– Ого, – сказала Валя. – Смотрите!

Стояла, как ей показалось, полярная ночь, но было довольно светло – в чистом небе висела яркая большая луна. Склон с соснами спускался прямо в тёмную воду залива, окаймлённого серыми снежными берегами. Посреди залива чернел силуэт подлодки. Большой такой подлодки.

– Северодвинск где-то рядом, – пробормотал Игнат. – Вечная мерзлота, Заполярье. Затраты на охлаждение массава гораздо меньше.

Как ни странно, Валя не мёрзла.

– Нелинейная логика, квантовые связи, – опять говорил Йонас. – То ли ещё будет... Конечно же, кажется бредом и бессвязной чушью...

Валя вдруг подумала, а полностью ли ему вылечили опухоль? Может, это она спутывает ему сознание? Хотя нет, Губинский бы не просмотрел. Не просмотрел бы же?

«Не просмотрел же бы», прошептал Патрик. Шуточки шутят, значит.

– Ничего не понимаю, – сказала она.

– Тебе и не надо, – ответил Игнат. Он единственный из

них не запыхался, дышал ровно и постоянно оглядывался по сторонам. – Может, хватит хулиганить? – спросил он.

– Ты это кому? – обернулась Валя.

«Где все?», думала она. «Тут же охраны должно быть полно, датчики, сигнализация... Вий нас сейчас уведёт неизвестно куда, как этот, как его... Гамбургский крысолов!».

– Тихо! – прошипела Патриция. – «КОЛОРО»! Сели!

В ночном небе над их головами с инфразвуковым гулом зависло невидимое нечто. Совсем невысоко, казалось, в нескольких метрах. Нечто мигнуло и внимательно посмотрело на них. От неслышного гула заныли зубы.

– Симуляция! – Игнат, было присевший, встал. – Никакого «КОЛОРО» здесь нет! А ну прекратите!

– Бежим! – взвизгнула Патриция, и они помчались. Игнат пытался сопротивляться, но Петро оказался сильнее. Нелепо дёргаясь, Игнат побежал по склону.

Остановились, тяжело дыша. Йонаса вырвало. Он вытер рот рукой.

– Проверка границ, – прохрипел он.

Валя почувствовала, что её тоже тошнит.

– Быстрее, – торопил Петро. – Здесь недалеко.

Спускаться, оскальзываясь, и правда пришлось немного, метров сто пятьдесят. На стоянке белел одинокий фургон. Валю тоже вырвало. Она наклонилась, и упала в неглубокий снег, хорошо хоть не в свою рвоту. Встать сил уже не было.

Игнат взял её на руки и понёс.

– Не бойсь, Валентина Максимовна, – пробасил из него Петро. – Мы своих не бросаем.

Йонас как-то открыл фургон и они забрались внутрь.

Машина завелась, медленно тронулась с места. Впереди на узкой дороге вспыхнули фары.

– Ни с места! – прогремел усиленный мегафоном голос. – Глуши машину! Все на пол! Работает ФСБ!!!

«Всё будет хорошо», прошептал Патрик.

– Не стреляйте! – пронзительно завопила Патти в открытое окно. – Стойте! Мы больше так не будем!

15

Валя минус Патрик

– Ну что же вы, Валентина, – добродушно говорил Губинский, готовя аппаратуру. – Никогда из дому не сбегали? Вот и нашим деткам захотелось побегать. Переходный возраст, понимаете же, психологию ведь изучали.

Василий и Елисей пристегнули Валю к креслу в уменьшенной копии аппаратного зала на минус первом этаже и надели на голову светящуюся «сушилку». За креслом чем-то щёлкала Даша. Дарина дежурила рядом с Валею с поилкой в руках, ободряюще улыбаясь.

– Может, не надо, – бормотала Валя, ёрзая. Игната и Йонаса сразу куда-то увели, а её вернули в клинику, где уже горела вся иллюминация, было полно народу и ждал Губин-

ский.

– Рано или поздно всё равно бы пришлось, – говорил Губинский. – Вы же домой собирались? Вот и пора. А если они вам прикажут с крыши прыгнуть? Ведь все побежите и прыгнете. Они вон какие убедительные. Границы, значит, они проверяют. А мы тут переволновались, даже Александр Анатольевич звонил.

– Это кто?

– А? А, шеф.

«Не бойся, – шепнул Патрик у Вали в голове. – Я здесь». Валя почувствовала, как внизу живота собирается мучительная пустота. Хотелось плакать, но сухие глаза только беспомощно моргали.

– Я только уберу квантовый эффект, и связь разорвётся, – говорил меж тем Губинский. – Хотите плакать – плачьте, – добавил он, заметив, как моргает Валя.

Плакать не получалось.

«О», прошептал Патрик. «Я и забыл».

– Это кошмарный бестолковый сон? – с надеждой спросила Валя. – Я скоро проснусь?

– Обязательно проснётесь, Валя! Обязательно!

– А может, не надо? Не надо!

– Надо, Валечка. Для вашего же блага, держите себя в руках пожалуйста. Помните, что вам говорили? Без истерик.

Лаборанты молча тарасились на Валу. Фашисты!

– Это очень хорошо, что он так быстро учится, – гово-

рил Губинский. – Но ведь и обманывает, поганец! Это я про Вия, если что, субличности не при чём. А чувствовали, как вам плохо начало становиться, когда удалялись от клиники? Квантовая связь, она, знаете, такая может быть весьма неприятная штука.

«Не обманываю», прошептал Патрик.

– Так что мы только разорвём квантовую связь, и 906-й перестанет на вас влиять. Вы уже полностью восстановились, ещё пару деньков под наблюдением – и домой, а? – Он весело подмигнул. Или ей показалось? – А этого врунишку мы приструним, что-то слишком он распоясался. Надо будет, подотрём кое-где, подкрутим гайки, так сказать! Всё будет хорошо, тьфу-тьфу!

Он постучал костяшками по подлокотнику её кресла и подмигнул.

Если б могла, Валя бы ему сейчас врезала. От души. А она ещё думала, что из них собираются делать убийц. Вот кто убийца!

«Что мне сделать?», мысленно закричала она.

«Не бойся, – снова шепнул Патрик. – Я здесь».

Вот заладил, здесь, здесь! Отключат же сейчас!

– Буквально минуту, – сказал Губинский. – Начинаем, – кивнул он Даше.

Сзади загудело.

– Прекратите! – хотела крикнуть Валя, и не смогла.

Они не имеют права лишать её ребёнка!

Не и-ме-ют!

Валю осенило: они все потеряли детей! Она, Йонас, Игнат!

Губинский так играл на их чувствах: привязанность к потерянному и вновь «обретённому» ребёнку гораздо сильнее! Сволочь!

– Вот и всё, – сказал Губинский. – Быстро же?

А они всё переиграют, наберут новых подопытных, снова подключат их к 906-му. Сотрут Патрика.

Мучительная невозможная пустота залила Валю целиком, от пят до макушки, с которой Даша аккуратно снимала проклятый колпак. В голове звенело от напряжённого отсутствия. Ничего больше не будет.

Когда приедет домой, в свою пустую квартиру, она знала, что сделает. Наберёт горячую ванну, откроет бутылку вина. Препараты у неё есть...

«Ты что, – прошептал Патрик в её голове. – Не смей!».

«Дура», добавила Париция и хихикнула.

Валя замерла, боясь пошевелиться.

«Я здесь, – сказал Патрик. – Сейчас, подожди. Вот».

Иннервация слёзной железы, вызванная реакцией Валиной нервной системы на стресс, вызвала повышенное выделение муцина. Избыточная слёзная жидкость хлынула в носослёзные каналы и на нижние веки глаз, откуда крупными каплями потекла по Валиным щекам.

Валя плакала. Слёзы были горячие и очень нужные.

Сквозь слёзы в этот раз Валя совершенно точно видела – этот абсолютнейший подлец Губинский...

«Держите себя в руках».

Этот негодяй Губинский...

«Всё будет хорошо».

Талантливый учёный, продолжатель дела профессора Межелайтиса...

«Люди – это биологические СКМ, и мы теперь часть Вия, а Вий – часть нас».

Этот замечательный, прекрасный человек...

«Спрятать на самом видном месте. Если я скажу Андрюхе отпустить нас...».

Так вот, Губинский ей бесспорно, несомненно и безусловно...

«Перцепторы коллоида-биогеля – живые клетки и они же крошечные квантовые машины...».

«Мама», сказал Патрик.

«Мама, я всегда буду здесь».

«Мама», сказал он. «Ты видела? Андрей Витальевич...»

Подмигнул.